

Искандер Арысов

Баня по-черному

Искандер Арысов

Баня по-черному

«Автор»

2026

Арысов И.

Баня по-черному / И. Арысов — «Автор», 2026

Роман «Баня по-черному» — это философская драма о природе человечности на стыке аналоговой реальности и цифрового бессмертия. Гениальный программист Ваня Назаров в шестнадцать лет подделывает документы и уходит добровольцем на СВО. Война превращает его в легендарного оператора дронов, но цена этому — семь ранений, шестнадцать контузий и превращение мозга в распределенную сеть. Его тело гибнет, но сознание сохраняется в облаке. Спустя триста лет цифрового одиночества Ваня получает весточку от погибшего сослуживца Кузьмича — аналогового человека, строителя БАМа, который обещал ему баню по-черному и сдержал слово. Чтобы вернуться в реальность, Ваня должен пожертвовать 70% своей цифровой памяти и вновь стать смертным. Текст переплетает экшн и лирику, поднимая вечные вопросы: что делает нас живыми — боль или её отсутствие? Можно ли оцифровать душу? И главное — зачем жить вечно, если некого позвать в баню? Это история о том, что слово, данное другу, сильнее любого алгоритма.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Баня по-черному

Пролог. Коэффициент уязвимости

В апреле 2026 года, когда луганские тополя уже начали распускать свой липкий, горьковатый клей, в одном из медицинских центров города нейросеть диагностической системы «Айболит-М» — детище департамента, давно забывшего свои прежние мирные названия, — обрабатывала очередной массив данных. Визуализация заняла чуть больше четырех секунд, что было ниже среднего тайминга по клинике. Машина выдала заключение на двадцатилетнего пациента, поступившего с жалобами на головокружение и постоянный шум в ушах. Вердикт был скуп и не подлежал человеческой интерпретации: «Биологический возраст — 45–47 лет. Семь осколочных ранений различной степени тяжести, из них три — с повреждением мягких тканей без капсулирования инородных тел. Шестнадцать контузий различной степени тяжести, зафиксированных в медицинской карте. Посттравматическая энцефалопатия второй степени с дисциркуляторными изменениями в височной и лобной долях. Прогнозируемая продолжительность жизни при сохранении текущего уровня психофизических нагрузок и отсутствии терапии — 1,7 года».

Монитор моргнул, выводя сухие цифры в зеленоватом спектре.

Пациент сидел на краю кушетки, обтянутой казенной клеенкой, которая холодила кожу даже сквозь плотную ткань камуфляжных штанов. Он прочитал заключение поверх плеча медсестры — та зачем-то попыталась развернуть экран в другую сторону, но он уже все видел. Семь ранений. Шестнадцать контузий. Полтора года. Пациент на мгновение зажмурился, словно проверяя, не изменится ли картинка в темноте за веками. Не изменилась. Тогда он слегка дернул уголком губ, выдавив из себя что-то среднее между усмешкой и спазмом уставших лицевых мышц, и попросил медсестру — ту самую, с усталыми глазами и вечно сбитой набок шапочкой — зарядить его телефон, который показывал один процент и требовал подключения к розетке уже последние два часа.

Он взял аппарат в руки, когда индикатор загорелся оранжевым, и прокрутил ленту до самого низа, где хранилось закрепленное видео. С экрана на него смотрел кот. Серый, полосатый, с умными желтыми глазами, в которых читалось не просто кошачье любопытство, а та особенная, снисходительная мудрость, какая бывает только у домашних животных, годами наблюдающих за человеческой суетой из безопасного кресла. Кот тыкался мокрым носом прямо в объектив, размазывая по стеклу свое тепло, и в динамиках, слегка шипящих от старости, слышалось урчание — низкое, вибрирующее, похожее на помехи в старом радиоэфире или на далекий гул мотора, который вот-вот стихнет. Видео было загружено три года назад. Сто сорок семь тысяч просмотров. Восемьсот двенадцать комментариев, и в одном из них, затерянном между «милаха» и «пушистый», стояло: «Ванечка, вернись живым, я тебя жду». Аватарка той, что написала это, была старой, еще из прежнего интерфейса, — девушка с русыми косичками, заплетенными в две тугие колосья, и с веснушками, рассыпанными по переносице так густо, будто их кто-то нарочно посеял там в апрельский дождь.

Иван Назаров закрыл глаза. Он сделал это не для того, чтобы отдохнуть. В его визуальном поле не было темноты — только мерцание. Теперь всегда так. Там, за его веками, сновали цифровые змеи, перестраивались матрицы, подсвечивались уязвимые точки невидимых сетей. Семь лет назад экраны были снаружи. Теперь они навсегда внутри, вшиты под черепную коробку вместе с осколками и контузиями, и даже когда он хотел просто забыться, перед ним разворачивалась карта местности с наложенными слоями тепловизора.

Глава 1. Человек из облака

В двенадцать лет Ваня Назаров, худой, длиннорукий, с вечно взлохмаченным затылком, сидел в шумном актовом зале московской гимназии и выиграл всероссийскую олимпиаду по информатике. Задача была адская — на графы и поиск кратчайшего пути в динамической сети с изменяемыми весами, где условия подстраивались под каждое новое ребро. Он решил ее за семнадцать минут, пока другие участники — лучшие из лучших, съехавшиеся с Дальнего Востока, Урала и юга — все еще перечитывали условие в четвертый раз, шевеля губами и рисуя на полях каракули. Ваня сдал решение, вышел из зала и сел на подоконник, глядя, как за окном снег ложится на голые ветки.

В тринадцать — республиканский хакатон по кибербезопасности, где его команда из трех таких же ботаников, как он, обошла взрослых дядей из государственных структур, предложив метод обхода фейковых точек доступа за счет эмуляции пакетов. В четырнадцать — международный конкурс юных программистов в Санкт-Петербурге, где его проект по распознаванию объектов в условиях низкой видимости, тумана и искусственных помех занял второе место. Первое, как обычно, взяли китайцы — с их ресурсами и закрытыми лабораториями, но члены жюри, старые седые профессора, подошли к мальчику после церемонии, когда он стоял с пластиковой медалью в руке и равнодушно смотрел в пол. Один из них, с бородкой клинышком, положил руку ему на плечо и сказал так тихо, что слышал только Ваня: «Через пять лет, Ваня, ты будешь собирать любые деньги в любой венчурной студии мира. Ты квантовый. Ты считаешь быстрее, чем мы дышим».

В пятнадцать он взломал школьный сервер — не для зла, а из чистого математического интереса, чтобы проверить, насколько уязвима система. Он изменил оценки по физкультуре трем одноклассникам, которые бегали кросс не на четверки, а на тройки, и директор, красный как рак, вызвал родителей в кабинет с тяжелыми порттьерами. Отец — слесарь на авиаремонтном заводе, человек с натруженными ладонями, пахнущими машинным маслом и железом — отругал Ваню для порядка, но мать, всегда все замечавшая, увидела, как муж уже на следующий день принес домой ржавый системный блок, выпрошенный на свалке, и робко поставил его на кухонный стол. «Сын, — сказал он, не глядя в глаза, — а тут можно сделать, чтобы игры быстрее грузились? У тебя ж голова, как у компьютера».

В шестнадцать — самое главное. Ваня скачал фотешоп с торрента, редактор PDF и профессиональную программу для работы с графическими слоями, которую сам же и взломал за двадцать минут, потому что лицензия кончилась. Потребовалось три часа и сорок семь минут, чтобы превратить свидетельство о рождении — этот бледно-голубой прямоугольник с гербом — в паспорт двадцатилетнего Ивана Сергеевича Назарова. Он прибавил себе четыре года, изменил номер подразделения на тот, что гуглился как действующий, тщательно наложил нужные водяные знаки и микротекст, который был виден только под лупой. Распечатал на цветном принтере в соседней библиотеке, заламинировал в ближайшем копировальном центре, где тетенька с перманентно удивленными бровями даже не взглянула на содержимое.

«Куда тебе, Вань?» — спросила тетенька в военкомате, уже другая, с очками на цепочке и усталым голосом, глядя на его гладко выбритое, еще по-детски мягкое лицо, на котором скулы только начинали прорезаться под тонкой кожей. Он смотрелся не на двадцать, даже близко — отдавал шестнадцатую годами, недоспанными ночами за монитором и неуверенной улыбкой.

«На СВО, добровольцем».

«А родители знают?»

«Разрешили. Вон, подпись матери есть».

Подпись он тоже сделал сам — перерисовал с больничного листа, который нашла мать на столе, и перенес на заявление с точностью до наклона буквы «а». Мать узнала обо всем через две недели, когда он уже был в учебке под Ельней, в грязи по колено и в чужой амуниции. Она звонила в военкомат, в прокуратуру, в администрацию президента, даже в какой-то правозащитный центр, записанный на салфетке. Ей везде отвечали одинаково: «Ваш сын совершен-

нолетний по документам, все подписи заверены, мы не можем его вернуть. Разбирайтесь с тем, кто выдал паспорт». Но паспорт никто не выдавал. Паспорт сделал сам Ваня.

Апрель 2022 года. Шестнадцать лет и девять месяцев. Сто пятьдесят третьи сутки специальной военной операции. Первый день Ивана Назарова на войне. И он не взял с собой ни одной книги.

Глава 2. Плотность контрастов

Он не был готов к тому, как это пахнет. Ни один учебник по информатике — ни Кнут, ни Кормен, ни тысяча страниц о бинарных деревьях — не описывают запах горелой резины, которая плавится и стекает черными соплями на раскаленный металл, прелого железа, смешанного с землей, и тела, которое было человеком час назад — которое дышало, курило, ругалось на природу, — а теперь это не человек, а что-то другое, бесформенное и чужое, чему человеческий язык не подобрал названия, потому что брезгует даже приближаться к этому определению. Ваня стоял на позиции, вдыхал этот густой, тяжелый воздух, который словно оседал на языке металлическим привкусом, и молчал.

Первые три дня он не произнес ни слова. Сидел в сыром блиндаже, перебирал снаряжение — тактический пояс, подсумки, аптечку, — проверял коптер, который ему выдали с пометкой «условно исправен», и смотрел в одну точку на фанерной стенке, где кто-то выцарапал гвоздем нецензурное слово. Сослуживцы поглядывали на него искоса — молодой, тощий, сидит тихо, не курит, не матерится, вместо фляжки с чаем в телефоне что-то тыкает пальцами с неестественной скоростью. «Студент, мать его», — сказал старшина, сплюнув сквозь зубы, и махнул рукой.

На четвертый день их позицию накрыли. Сначала два прилета из миномета — отдаленные хлопки, потом земля дрогнула, а потом третий, ближе, такой близкий, что у Вани заложило уши на левую сторону. Коптер Вани вылетел за три минуты до обстрела — он запустил его не по команде, а по своему чутью, потому что что-то показалось странным в раскатах канонады с юга: слишком ровный ритм, слишком предсказуемая смена тональности. Потом, разбирая полетное задание на планшете, он увидел, как в восьми километрах от них, за лесополосой, по грунтовке разворачивается минометный расчет — фигурки в сером, суетливые, но слаженные.

Он не стал докладывать командиру — не поверили бы, обозвали бы паникером, отобрали бы «птицу». Он просто поднял «Мавик» на сто двадцать метров, где его уже почти не слышали приборы РЭБ, настроил камеру на тепловидение — и начал считать. Ствол. Угол возвышения. Направление ветра. Время перезарядки, которое он замерил по секундомеру на телефоне. Первый выстрел — корректировка, снаряд лег в ста метрах от блиндажа. Второй — пристрелка, ближе на тридцать метров. Третий — в цель, прямо по навесу.

Ваня передал координаты артиллеристам. Через четырнадцать минут минометного расчета не стало — от него остались только воронки и серое облако, которое долго не рассеивалось.

«Как ты понял, куда они будут бить?» — спросил командир роты, кадровый офицер с Чечней и Сирией за спиной, мужчина с усталыми, но цепкими глазами. Он смотрел на Ваню так, будто видел в нем инопланетянина.

«Вероятностное ветвление, — ответил Ваня, поправляя очки, которые запотели от холода. — Они всегда стреляют после смены позиции, всегда по одному и тому же алгоритму: сначала пристрелка, потом корректировка, потом поражение. Я отследил их маршрут по звуку и грунтовым дорогам — у них есть паттерны».

«Паттерны», — повторил комроты, чувствуя, что слово чужое, из другого мира, из той реальности, где вместо окопов — экраны, но почему-то это слово было очень точным, как прицел на винтовке.

Через неделю Ваню перевели в дроноводы, где ценят не смелость, а холодный расчет. Через месяц его позывной — «Кант» (потому что Назаров, и он же философ, и в немецком

языке это звучит как приговор) — уже знали в штабе бригады наизусть, записывали в оперативные сводки с пометкой «приоритетный актив». Через три месяца начали поступать запросы из других подразделений: «Дай нам Канта на неделю. У нас “птицы” теряются, как слепые котята, а у него ни одной не сбили за весь месяц».

Ни одной — почти, правда. За шестнадцать вылетов у Вани сбили два дрона. Один упал из-за разряда аккумулятора — он сэкономил время и не учел лютой февральский мороз, который съедал заряд вдвое быстрее расчетного. Второй сбили системой радиоэлектронной борьбы, заглушив сигнал на подлете, но перед самой потерей управления Ваня успел передать полный пакет координат — сухие цифры широты и долготы. Артиллерия отработала вслепую, по запомненным ориентирам и памяти Ваниного дрона. Эффективность — шестьдесят процентов поражения. Выше среднего по бригаде в два раза, и это в условиях, когда обычные операторы радовались сорока.

«Ты откуда такой взялся?» — спросил его как-то вечером снайпер с позывным «Грач», здоровенный мужик лет под сорок, с широкой родинкой на правой щеке и вечно воспаленными глазами от бессонницы и ветра. Грач сидел на ящике из-под снарядов, чистил винтовку и смотрел на Ваню с недоверием и уважением одновременно.

«Из Сети, — ответил Ваня, не отрываясь от ноутбука, подсвеченного бледным светом. — Я оттуда весь. От корки до корки».

«Из Сети? — переспросил Грач, нахмурившись. — В смысле? Ты что, инопланетянин?»

Но Ваня уже не слышал. Он сливал данные с трех беспилотников одновременно, пальцы бегали по клавиатуре как отдельные живые существа, он управлял четвертым дроном через джойстик левой рукой, висел в чате с двумя артиллерийскими батареями и параллельно писал на коленке скрипт для автоматического распознавания замаскированной бронетехники по геометрии теней на спутниковых снимках. В нем текли не кровь и не лимфа — в нем текли мегабайты, гигабайты, пакеты данных, которые он пересылал сам себе, словно перегонял по сосудам.

Глава 3. Невидимый

Секрет невидимости Ивана Назарова был прост и сложен одновременно. Прост — потому что в основе лежал алгоритм, который можно было описать на пяти страницах кода. Сложен — потому что ни один другой оператор дронов, даже с высшим техническим образованием, не мог его повторить. Они пытались. Копировали прошивки, срисовывали настройки, переспрашивали у Вани, как он калибрует частоты. Но у них не получалось. Потому что они мыслили как люди, а Ваня мыслил как сеть.

Большинство людей на войне мыслят линейно. Цель. Путь к цели. Препятствия. Обход препятствий. Атака. Это как стрела, выпущенная из лука, — летит по прямой и либо попадает, либо падает. Ваня мыслил иначе. Для него каждый дрон был не инструментом, а узлом — живым, дышащим, связанным с другими узлами невидимыми цифровыми нитями. Каждый узел имел свой радиус обзора, свои частоты, свой неповторимый цифровой голос, который он настраивал вручную перед каждым вылетом, как музыкант настраивает скрипку перед концертом. Противник искал голоса — стандартные протоколы, узнаваемые маркеры, кривые пакеты, которые выдавали «пилот» и «дрон». Ваня сделал своих «птиц» немыми. Он переписал прошивки так, что коптеры обменивались данными напрямую, минуя пульт, перепрыгивая с одного на другой, без единого пакета, который можно было бы засечь системой радиоэлектронной разведки противника.

«Лети сюда, посмотри туда, вернись и расскажи» — это не его метод. Его метод был другим: «Стая взлетает. Стая рассредоточивается по квадратам. Стая видит одновременно. Каждая птица знает задание всей стаи, потому что они говорят на одном языке. Пульт только запускает процесс — дает искру, а дальше они сами». Противник видел отдельные дроны в небе, сбивал их из крупнокалиберных пулеметов, ставил помехи на стандартные диапазоны.

Но Ваня выпускал не дроны. Он выпускал глаза. Десять глаз смотрели с десяти разных точек одновременно, и каждый глаз передавал картинку не на пульт, а соседнему глазу. Сбить один глаз — остаются девять. Сбить девять — Ваня запускал двадцать новых, потому что его дроны не стоили дорого: он собирал их из китайских запчастей, алюминиевых трубок и дешевых плат FPV, перешивая под свои нужды с такой же легкостью, с какой другие люди переставляют мебель в комнате.

К январю 2023 года противник начал замечать странность. В зоне ответственности «Канта» потери бронетехники и живой силы были в три раза выше средних показателей по фронту. При этом их собственная разведка, натасканная и опытная, фиксировала только спорадическую активность БПЛА — не более двух-трех вылетов в сутки, что для такого сектора было смехотворно мало. Начальник разведки противника, полковник с академическим образованием и тотальной компьютерной безграмотностью, который до войны преподавал тактику в училище, написал в рапорте своим дрожащим почерком: «Возможно использование новых технологий малозаметных беспилотников, требующих срочного анализа и противодействия».

Анализ ни к чему не привел. Потому что их некому было проводить. Компьютерщики, оставшиеся на той стороне, были людьми старой школы — они знали наизусть «Математический аппарат сетей», цитировали «Принципы построения защищенных каналов связи» и могли в уме рассчитать «Методики радиоэлектронного подавления». Но они не знали того, что знал Ваня: что можно перестать быть человеком и стать процессом. Что можно раствориться в данных, стать их частью, двигаться по оптическим кабелям, как по кровеносным сосудам, вынырнуть в нужной точке, сделать дело — и исчезнуть обратно в цифровое ничто, не оставив следов. Никто не учил его этому. Это было врожденным. Как музыкальный слух у Моцарта. Как способность видеть в темноте у хищной птицы. Как чутье на погоду у старого рыбака.

Глава 4. Кровь и пиксели

Первое ранение — сентябрь 2023 года. Осколок от мины, разорвавшейся в тридцати метрах от его блиндажа, вошел в левое предплечье, прямо между локтем и запястьем, туда, где мышцы тоньше всего. Ваня не понял, что ранен, пока не увидел, как компьютерная мышка в его правой руке — он держал ее левой, чтобы правая была свободна для клавиатуры — стала противно-скользящей, липкой и теплой. Он посмотрел вниз и увидел темную лужу, растекающуюся по столу между клавишами. Он отключил дрон, наложил жгут из индивидуального пакета, затянув его с такой силой, что побелели пальцы, вышел на связь с медиками по рации и, дожидаясь их, продолжил выводить на экран данные, потому что на сорок третьей секунде полета пятого коптера зафиксировалось движение, похожее на выдвижение резерва противника из лесополосы.

В госпитале ему сказали: «Повезло, парень. Сантиметром выше — и перебил бы сухожилие навсегда». Он кивнул, глядя в побеленный потолок. На следующий день он сбежал обратно в подразделение, перемотав руку бинтами поверх гипса, потому что в части некому было запускать дроны.

Второе ранение — декабрь. Контузия от близкого разрыва авиабомбы, упавшей в двухстах метрах. Трое суток он ничего не слышал, только звон — постоянный, высокочастотный, монотонный, похожий на сигнал старого модема при подключении к интернету, когда тот пищал и щелкал, устанавливая соединение. Ему показалось это почти смешным. Модем в голове. Ничего, привыкнет, решил он. Через неделю слух частично вернулся, но звон остался навсегда — стал его фоновым саундтреком, тиканьем внутренних часов.

Третье — март 2024 года. Осколочное в спину, в правую лопатку. Бронежилет спас от проникновения в грудную полость, но два ребра оказались сломаны, и гематома расплзлась по всей спине лиловым пятном, болезненным при каждом вдохе. Лежа на спине, почти не шевелясь, Ваня управлял дроном через голосовой интерфейс, который написал за полтора часа на

коленке, пока медики накладывали повязки. Голос был слабым, хриплым, сбивался на шепот, но дрон понимал. Дрон всегда понимал. Дрон был единственным, кто не задавал вопросов.

Четвертое — июль. Мина «Клинок», противопехотная, но с усиленным зарядом. Он отбежал на семь метров от эпицентра, упал за бруствер, потерял сознание на полчаса, очнулся в воронке, залитой дождевой водой, выбрался оттуда, цепляясь за мокрую глину, дополз до позиции на четвереньках, отключил деактивировавшийся коптер, перезагрузил его, наладил питание через внешний аккумулятор — и только потом позволил себе закрыть глаза, привалившись к мешку с песком.

Пятое. Шестое. Седьмое.

Шестнадцать контузий он уже не считал. После пятой ему казалось, что мир стал чуть более пиксельным — предметы теряли плавность, распались на квадраты и грани. После восьмой — что он видит частоты, на которых работают дроны противника, видит их в воздухе как полосы света, дрожащие на разных длинах волн. После двенадцатой он перестал различать, где заканчивается его собственное тело — граница кожи, костей, нервов — и начинается «облако», та самая цифровая бесконечность, в которой он хранил свои заметки, комментарии под видео, закладки, Машины голосовые сообщения, которые переслушивал в тишине ночи.

«Как ты еще жив?» — спросил его нейрохирург после пятой трепанации черепа, когда снимали гематому, давившую на речевой центр. Врач был пожилым, уставшим, с руками, которые дрожали от перенапряжения. Он смотрел на Ваню с недоумением.

«Информация не умирает», — ответил Ваня, глядя на него мутными, но спокойными глазами.

Врач посмотрел на него странно. Потом покачал головой и подписал выписку, приложив печать с нечитаемой подписью.

Глава 5. Аналоговые люди

В начале 2025 года в их подразделение прибыло пополнение. Восемь человек, мобилизованных из дальних регионов, из тех мест, где война была где-то там, за горизонтом, а в новостях показывали картинки с пометкой «18+». Ваня как раз загружал обновление прошивки на четыре FPV-дрона — сидел на ящике, согнувшись над ноутбуком, когда в блиндаж, пригнувшись в низком проеме, зашел один из новеньких. За ним потянулся холодный воздух и запах мокрой хвои.

Мужчина лет пятидесяти, крепкий, скуластый, с большими, натруженными ладонями, которые не умещались в карманы камуфляжа, с взглядом человека, привыкшего смотреть на горизонт — далекий, чистый, не загроможденный экранами. Лицо его было обветрено, в морщинах, как старая карта, и он улыбался той спокойной, неторопливой улыбкой, какой улыбаются люди, пережившие многое.

«Здорово, — сказал он густым басом, который, казалось, вибрировал в грудной клетке. — Местные есть?»

«Привет, — ответил Ваня, не отрываясь от ноутбука, механически водя пальцами по тачпаду. — Есть. Садись, где место найдешь».

«Назаров? Тот самый Кант, про которого все говорят?»

«Ага», — отозвался Ваня, и голос его прозвучал глухо.

«Сынок, а тебе сколько лет?»

«Двадцать», — сказал Ваня, и в первый раз за долгие минуты поднял глаза от экрана.

Мужик помолчал. Посмотрел на Ваню внимательно, не мигая, изучая его лицо — бледное, с синими кругами под глазами, с тонкой кожей, натянутой на выступающие скулы. Потом, помедлив, сказал:

«А выглядишь на все пятьдесят. Seriously. Как мой дед после войны. У тебя глаза — как у человека, который уже все видел».

Ваня поднял глаза. Посмотрел на новенького. И вдруг понял, что видит не просто солдата, не просто пополнение, не просто пехоту. Он видит кого-то другого. Кого-то из другого времени. Из той параллельной реальности, где не было смартфонов до двенадцати лет, где гуляли во дворе до самой темноты, с разбитыми коленками и карманами, полными стекляшек, где вместо «ВКонтакте» были живые разговоры на деревянной лавочке, где информацию добывали из книг с пожелтевшими страницами, пахнущих старой бумагой и клеем, а не из поисковых запросов за полсекунды. В этом мужчине была какая-то непоколебимая, тяжелая основа, как у старого дуба, который стоит века и не знает, что такое Интернет.

«Тебя как звать?» — спросил Ваня, и в голосе его впервые за долгое время появилась искренняя заинтересованность.

«Кузьмич. А точнее, Кузьма Игнатьевич. Но это для документов и для начальства. А для своих — просто Кузьмич».

«А откуда вы, Кузьмич?»

«С Алтая, — ответил тот с какой-то особенной, певучей гордостью. — Из гор. Там, где снег не тает до июня, где кедр — во, — он развел руки широко, — и где тишина такая, что слышно, как трава растет. А ты сам откуда, Кант?»

Он был не один. В той партии пополнения приехали еще двое таких же — дядь Вася из-под Рязани, бывший тракторист с руками, сведенными мозолями, в которых навеки застыли борозды плуга, и Саня с Камчатки, рыбачивший в прошлой жизни на краболове, человек с лицом, обожженным солеными ветрами, с редкими, светлыми глазами, которые щурились даже в темноте, привыкнув к слепящим бликам на воде. Все за сорок. Все с руками, помнящими не клавиатуры, а штурвалы, весла, бензопилы, топорщица — тяжелую, осязаемую работу. Все с глазами, которые смотрели так, будто видели не только то, что перед ними, но и что-то еще — далекое, ушедшее, невозвратное, огромное, как их родные края.

Ваня впервые за три года почувствовал себя молодым. Не по документам, где ему стукнуло уже двадцать четыре, а по внутреннему, глубокому, почти забытому ощущению. Рядом с ними он был мальчишкой, пацаном, который напортачил с паспортом и теперь сидит в окопе среди взрослых дядек. И это было непривычно. И это было почему-то тепло, как от печки.

«А чего ты так смотришь, Кант?» — спросил Кузьмич, поймав его задумчивый взгляд. Он усмехнулся в усы, и усы его шевельнулись, как две седые гусеницы.

«Не знаю, — честно ответил Ваня, и его собственный голос показался ему вдруг слишком тонким, подростковым. — Вы... другой какой-то. Не такой, как все здесь».

«Какой?»

«Настоящий, — выдохнул Ваня. — Вы — настоящий. Как дерево. Как камень. Как земля».

Кузьмич рассмеялся. Смех у него был громкий, раскатистый, похожий на камнепад в горах — чистый, без надрыва, свободный. Он хлопнул Ваню по плечу своей тяжелой ладонью, и от этого хлопка у Вани чуть не подкосились колени.

«А ты, что же, — спросил Кузьмич, глядя ему прямо в глаза, — выходит, ненастоящий? Сделали тебя где-то на заводе? Или из облака вытащили?»

Ваня не ответил. Но он подумал. Глубоко подумал, впервые за семь лет, сидя на ящике среди дронов, проводов и запаха гари, он подумал о том, что, может быть, Кузьмич прав. Может быть, он действительно ненастоящий. Слишком цифровой. Слишком быстрый. Слишком бесшумный. И в этом есть что-то горькое и сладкое одновременно, как первый глоток чая после долгой зимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.